

УДК 811.111
ББК 81.432.1
DOI 10.51955/2312-1327_2026_1_109

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЭКСПЛИКАЦИИ МОДУСА ЗНАНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

*Татьяна Ивановна Семенова,
orcid.org/0000-0002-8929-699X,
доктор филологических наук, профессор
Иркутский государственный университет,
ул. Карла Маркса, д. 1
Иркутск, 664003, Россия
tisemenova54@mail.ru*

*Татьяна Викторовна Тюрнева,
orcid.org/0000-0001-9554-4526,
кандидат филологических наук, доцент
Иркутский государственный университет,
ул. Карла Маркса, д. 1,
Иркутск, 664003, Россия
tyurneva_tv@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвистических механизмов дискурсивной реализации власти в первичном американском политическом дискурсе через экспликацию эпистемического модуса знания. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения дискурсивных стратегий актуализации власти в условиях трансформации политического дискурса и эпохи постправды. Эмпирической базой послужили транскрипты выступлений американских политиков (2011–2025 гг.). Выявлены четыре ключевые дискурсивные стратегии: (1) актуализация эпистемического авторитета через фактивные предикаты знания с разграничением пропозиционального и опытного знания; (2) усиление эпистемического авторитета через эскалацию степени уверенности; (3) расширение сферы эпистемического субъекта посредством кванторов всеобщности и инклюзивных форм; (4) фактуализация через ментальные классификаторы. Обосновано, что экспликация модуса знания функционирует как многоуровневая система стратегий актуализации дискурсивной власти, определяемая коммуникативными интенциями политика.

Ключевые слова: дискурсивные стратегии, политический дискурс, модус знания, эпистемический авторитет, фактивные предикаты, кванторы всеобщности, ментальные классификаторы.

DISCURSIVE STRATEGIES OF KNOWLEDGE MODE EXPLICATION IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

*Tatiana I. Semenova,
orcid.org/0000-0002-8929-699X,
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Irkutsk State University,
1, Karl Marx Street,
Irkutsk, 664003, Russia
tisemenova54@mail.ru*

*Tatiana V. Tyurneva,
orcid.org/0000-0001-9554-4526,
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Irkutsk State University,
1, Karl Marx Street
Irkutsk, 664003, Russia
tyurneva_tv@bk.ru*

Abstract. This article analyzes the linguistic mechanisms of discursive power implementation in primary American political discourse through the explication of the epistemic mode of knowledge. The relevance is determined by the need to examine discursive strategies of power actualization in the context of political discourse transformation and the post-truth era. Transcripts of American politicians' speeches (2011–2025) served as the empirical base. Four key discursive strategies are identified: (1) actualization of epistemic authority through factive predicates with differentiation between propositional and experiential knowledge; (2) enhancement of epistemic authority through escalation of certainty; (3) expansion of the epistemic subject through universal quantifiers and inclusive forms; (4) factualization through mental classifiers. It is demonstrated that the explication of the knowledge mode functions as a multilevel system of strategies for actualizing discursive power, determined by the communicative intentions of the politician.

Keywords: discursive strategies, political discourse, mode of knowledge, epistemic authority, factive predicates, universal quantifiers, mental classifiers.

Введение (Introduction)

Актуальность настоящего исследования обусловлена его включенностью в круг современных научных разработок, нацеленных на познание форматов репрезентации знания в дискурсе. Политический дискурс, функционирующий в условиях информационной перегрузки, проявляет высокую степень реализации прагматического потенциала эпистемических маркеров, релевантных для анализа дискурсивных стратегий легитимации власти. Интенциональную базу политического дискурса составляет борьба за власть [Шейгал, 2000], которая преимущественно достигается дискурсивно. Статья освещает фундаментальный вопрос о том, как язык конструирует не просто политическую реальность, а форматы концептуализируемого знания, что делает анализ эпистемических параметров дискурса критически важным для понимания дискурсивных стратегий реализации власти.

Материалы и методы (Materials and methods)

Эмпирической базой исследования послужили транскрипты выступлений американских политиков (2011-2025 гг.) из цифровых архивов The American Presidency Project (presidency.ucsb.edu), CNN Transcripts (transcripts.cnn.com), The Guardian (theguardian.com). Для оценки прагматического потенциала эпистемических маркеров модуса знания использовались методы контекстуального и прагмалингвистического анализа, а также метод дискурсивного анализа.

Дискуссия (Discussion)

Категория истины является фундаментальной в эпистемологии, начиная с античности. Классическая корреспондентная теория истины, восходящая к

Аристотелю, определяет истину как соответствие высказывания действительности [Аристотель, 1999]. Эта концепция легла в основу семантической теории истины А. Тарского [Tarski, 1944], который формализовал понятие истины через отношение между языком-объектом и метаязыком. Развитие модальной логики [Kripke, 1963; Lewis, 1918] позволило описать различные типы необходимости и возможности, включая эпистемическую модальность, связанную со знанием субъекта. В лингвистике это нашло отражение в концепции модуса как субъективного отношения говорящего к пропозициональному содержанию высказывания [Балли, 1955], при этом эпистемический модус определяет способ выражения знания, мнения или степени уверенности говорящего [Lyons, 1995; Palmer, 2001]. В эпистемической логике высказывание «S знает, что р» истинно, если р истинно во всех мирах, эпистемически доступных для S, что формализует специфический модус знания через отношения доступности между возможными мирами. Для лингвистического анализа важно, что истинность не является имманентным свойством высказывания, а представляет собой результат процессов верификации, согласования с системой знаний и оценки [Арутюнова, 1988]. Проблема эпистемического состояния говорящего [Виноградов, 1975; Шведова, 1960] занимает центральное место в лингвистической семантике.

Принципы истинностной оценки, эпистемические параметры высказывания, экспликация модусов знания и мнения в политическом дискурсе привлекают внимание исследователей [Задворная, 2001; Разлогова, 2004; Семенова, 2022; Nuys, 2001]. Политический дискурс представляет собой специфическую коммуникативную сферу, в которой прагматическая нагруженность высказываний достигает максимальных значений, а стратегическая манипуляция эпистемическими маркерами становится ключевым инструментом воздействия [Chilton, 2004; Vandijk, 2006]. В политическом дискурсе эпистемические предикаты выполняют функции актуализации авторитета, убеждения аудитории и дискредитации оппонентов [Fetzer, 2013].

Понимание политического дискурса в широком смысле позволяет разграничивать первичный и вторичный типы дискурса. В соответствии с классификацией Е.И. Шейгал [Шейгал, 2000], первичный политический дискурс включает институциональные формы общения (речи политиков, интервью, заявления, указы, парламентские дебаты), тогда как вторичный политический дискурс охватывает неинституциональные формы – «разговоры о политике» (мемуары политиков, письма читателей, аналитические статьи, политические комментарии) [Шейгал, 2000, с. 37]. В данной статье предпринята попытка выявить и описать способы экспликации эпистемического модуса знания в американском первичном политическом дискурсе и определить его прагматический потенциал.

В системе эксплицитных ментальных модусов Н.Д. Арутюнова выделяет модусы знания, мнения, истинностной оценки [Арутюнова, 1999, с. 411]. Концепция релятивности знания, разрабатываемая в когнитивно-дискурсивной парадигме [Семенова, 2022; Vandijk, 2006; Vandijk, 2014], предполагает, что эпистемический статус высказывания определяется не только его соответствием объективной реальности, но и позицией субъекта познания, контекстуальными и

социокультурными параметрами коммуникации. Модально-эпистемическая шкала Е.Э. Разлоговой вводит градуированную систему эпистемических предикатов, отражающую различные степени уверенности говорящего в достоверности пропозиции [Разлогова, 2004]. Эпистемические предикаты структурируют эпистемическое пространство высказывания, актуализируя отношения между субъектом знания, пропозициональным содержанием и прагматическим контекстом. Шкала выстраивается от максимальной эпистемической определенности (знание) через область предположения и мнения к минимальной определенности (сомнение). Это означает, что категория истинности-ложности рассматривается не как жесткая бинарная оппозиция (дизъюнкция), а как континуум вероятностных оценок [Арутюнова, 1999, с. 430], что позволяет учитывать, что в реальной коммуникации, особенно в политическом дискурсе, говорящие оперируют не абсолютными значениями «истинно» или «ложно», но градуированными оценками достоверности, которые стратегически используются для достижения коммуникативно-прагматических целей.

В английском языке эпистемическое состояние «знаю, что Р» представлено широким спектром лексико-грамматических средств, варьирующихся по степени эксплицитности, синтаксической структуре и прагматическим функциям [Nuyts, 2001; Palmer, 2001]. Как отмечает М.И. Ковш, осведомленность, как экспликация своего знания, присуща политической коммуникации [Ковш, 2024]. В зависимости от степени субъектности и коммуникативных интенций выделяются типы экспликации модуса знания в первичном политическом дискурсе [Nuyts, 2001].

Эксплицитный модус знания (I know) характеризуется максимальной эпистемической ответственностью говорящего и служит для актуализации эпистемического авторитета. Под эпистемическим авторитетом понимается дифференцированное распределение прав на эпистемический доступ и оценку релевантных состояний дел, что подразумевает иерархию, в которой определенные участники коммуникации обладают привилегированным статусом в отношении знания, а это, в свою очередь, легитимирует их оценки и суждения как более весомые или авторитетные [Heritage et al., 2005; Vandijk, 2014]. М.И. Ковш определяет авторитетность в медийном дискурсе как комплексную характеристику коммуникативного взаимодействия, формируемую через совокупность дискурсивных стратегий, направленных на утверждение статуса источника информации как заслуживающего доверия и компетентного [Ковш, 2024]. Близкое понятие *credibility* (достоверность/надёжность источника) у Т.А. ван Дейка обозначает социально-когнитивную характеристику источника знания, определяющую степень доверия к его эпистемическим утверждениям и включающую оценку компетентности, объективности и надёжности коммуниканта [Vandijk, 2014, pp. 336-357]. Таким образом, эпистемический авторитет конституируется не только через эксплицитные маркеры знания, но и через достоверность (*credibility*).

Для политического дискурса характерна двухкомпонентная модус-диктумная структура, в которой первый элемент (модус) апеллирует к перцептивному, опытному знанию, а второй элемент (диктум) вербализует

верифицированную пропозицию. Проиллюстрируем данную структуру примером из предвыборной речи Д. Трампа, в которой политик актуализирует свой эпистемический авторитет через апелляцию к опыту непосредственного участия в политических и финансовых процессах США с последующим разоблачительным утверждением: *I have seen the system up close and personal for many years. I have been a major part of it. I know how the game works in Washington and on Wall Street. And I know how they have rigged the rules* [Trump, 2016]. В этом эпистемическом контексте эксплицируется опытное знание (*I know how*), которое обосновывает компетентность говорящего. Модус опытного знания вводит пропозицию как уже верифицированную, то есть прошедшую проверку через личный опыт. Таким образом, информация представляется не как предположение или мнение, требующее верификации, но как установленный факт, истинность которого гарантируется эпистемическим авторитетом субъекта высказывания.

В следующем примере Д. Байден во время президентских дебатов 2024 года отвечает на критику относительно своего возраста и способности управлять страной, переходя от рассуждения о мудрости к утверждению о практической компетентности: *But I didn't anticipate things getting so, so, so divided. And quite frankly, and I think, the only thing uh age brings a little bit of wisdom. And I think I've demonstrated that I know how to get things done for the country, in spite of the fact we told we couldn't get it done* [Biden, 2024]. В дискурсе политика реализуется переход от предиката мнения *think* к предикату опытного знания *know how*. В отличие от пропозиционального знания с референцией к факту, конструкция *I know how to get things done* выражает опытное знание – знание о способах действия, освоенных через практику. Опытное знание апеллирует к процедурной компетентности, основанной на доказанной эффективности в прошлом (*I've demonstrated*). Самокоррекция через последовательность модусных пропозиций *I think* → *I know how* трансформирует абстрактное рассуждение о возрастной мудрости в конкретное утверждение о практической способности достигать результатов. Таким образом, опытное знание (*know how*) легитимирует политическую компетентность говорящего через референцию к успешному опыту реализации политических решений, тем самым усиливая эпистемический авторитет политика. Прагматическая функция данной дискурсивной стратегии заключается в конструировании образа политического актора, обладающего эксклюзивным доступом к информации, недоступной политическим оппонентам. Предикат *know* маркирует позицию говорящего на вершине модально-эпистемической шкалы, соответствующую максимальной степени уверенности, и одновременно блокирует возможность оспаривания представленной информации со стороны адресата.

Следовательно, предикат *know* в сочетании с отсылками к перцептивному опыту выступает как мощный инструмент актуализации эпистемического авторитета адресанта-политика. Для иллюстрации анализируемой стратегии обратимся к высказыванию пресс-секретаря Белого дома К. Ливитт, прозвучавшему в ходе брифинга для прессы в январе 2025 года. Отвечая на вопрос журналиста информационного агентства Bloomberg о конкретных шагах администрации по борьбе с ростом цен и инфляцией, пресс-секретарь использует

эпистемические маркеры: *I know you work for Bloomberg, so I'm sure you're well aware of them. But I can assure the American people that the president is very much focused on bringing down the cost-of-living crisis* [Leavitt, 2025]. В данном высказывании упоминание принадлежности журналиста к авторитетному информационному агентству Bloomberg актуализирует пресуппозицию разделяемого знания (*you're well aware of them*) и служит отправной точкой для последующего заверения (*I can assure*). Эта дискурсивная стратегия усиливает эпистемический авторитет президента: его действия (*the president is very much focused on bringing down the cost-of-living crisis*) представляются не как намерение или декларация, а как установленный и несомненный факт.

В другом примере Д. Байден актуализирует эпистемический авторитет через экспликацию знания о приоритетах аудитории: *And I know that's not on top of most people's minds* [Biden, 2024]. Модусный предикат *I know* вводит пропозицию, в которой отрицанию подвергается важность внешней политики для большинства электората, тем самым Д. Байден демонстрирует эмпатию и понимание реальных проблем граждан, что способствует укреплению эпистемического авторитета политика.

Особый тип экспликации модуса знания представляют конструкции с расширением сферы эпистемического субъекта. Данная дискурсивная стратегия реализуется через последовательную градацию субъектов знания от конкретного адресата к неопределенно-множественному (обобщенному) субъекту, что обеспечивает форму социального знания, разделяемого членами социума. В следующем фрагменте предвыборной речи Д. Трамп критикует СМИ за предвзятое освещение его предвыборных митингов и митингов Х. Клинтон, обвиняя медиа в манипулировании информацией о размерах аудитории: *At my rallies, they never show or talk about the massive crowd size and try to diminish all of our events. On the other hand, they don't show the small size of Hillary's crowds, but, in fact, talk about how many people are there, very small crowds. You know it, they know it, and everybody knows it* [Trump, 2016]. Тройное повторение предиката *know* с расширением сферы эпистемического субъекта (*you* → *they* → *everybody*) создает градацию от индивидуального знания адресата к коллективному знанию группы и далее к знанию неопределенно-множественного субъекта. Данная конструкция реализует апелляцию к разным типам адресатов: прогнозируемому адресату (*you know it*), с которым политик вступает в опосредованное, дистантное общение; косвенному адресату – медиа (*they know it*) как участнику общения, ради которого выстраивается дискурс [Формановская, 2007, с. 175-176], и, наконец, обобщенному субъекту (*everybody knows it*). Таким образом осуществляется кванторное расширение субъектной сферы от ограниченного множества (конкретизируемый адресат, затем неопределенная группа лиц) до квантора всеобщности (*everybody*), что трансформирует субъективное утверждение говорящего в статус общепризнанного и неоспоримого факта. Модус знания в данном контексте допускает прономинализацию вводимой пропозиции (замену развернутого содержания местоимением *it*), что усиливает ее истинностную оценку. Адресат, категоризируемый как *everybody knows*, оказывается перед выбором: либо

согласиться с утверждением о массовости митингов в поддержку Д. Трампа и тем самым подтвердить свою принадлежность к множеству субъектов (*everybody*), либо возразить и признать, что он не обладает знанием, разделяемым членами множества, то есть косвенно признать собственную некомпетентность. Таким образом, кванторное местоимение с семантикой всеобщности побуждает адресата к солидаризации с говорящим и создает иллюзию консенсуса.

Стратегия расширения сферы эпистемического субъекта может сочетаться со стратегией сближения с адресатом, когда политик через языковые единицы интеграции (инклюзивное *we*) делает аудиторию соучастником знания и формирует коллективный модус знания. В следующем фрагменте Д. Трамп критикует политический истеблишмент, апеллируя к общему знанию аудитории: *One thing we all know is that we will never solve our problems by relying on the same politicians* [Trump, 2016]. Пропозиция *we all know* реализует двойной механизм: инклюзивное местоимение *we* сближает говорящего с аудиторией, сокращая дистанцию между политиком и избирателями, а квантор всеобщности *all* расширяет сферу эпистемического субъекта до неопределенно-множественного, представляя знание как разделяемое всеми. Градация субъектов знания в политическом дискурсе выстраивает эпистемическую иерархию, которая движется от единичности (*I know*) через инклюзивность (*we know*) к неопределенно-множественному субъекту (*we all know / everybody knows*).

Аналогичная стратегия сближения с адресатом реализуется в следующем высказывании Д. Байдена в ходе президентских дебатов, где речь идет о президентах, при которых число рабочих мест сократилось: *American history who've come to office and left with fewer jobs than they came to office, and the other was a guy who we all know very well* [Biden, 2024]. Пропозиция *we all know very well* реализует стратегию сближения через актуализацию коллективного модуса знания. Инклюзивное местоимение *we* включает говорящего и аудиторию в общее эпистемическое пространство, снимая иерархическую дистанцию между политиком и избирателями. Квантор всеобщности *all* усиливает инклюзивность, расширяя эпистемический субъект до неопределенно-множественного и представляя знание как всеобщее достояние. Интенсификатор *very well* объективирует истинностную оценку этого разделяемого знания. Ключевым механизмом данной стратегии является актуализация пресуппозиции общего знания о референте (*a guy* = Д. Трамп). Использование разговорной номинации *a guy* вместо имени собственного создает эффект неформальной близости и одновременно апеллирует к общей осведомленности аудитории. Таким образом конструируется дискурсивное сообщество, в котором говорящий и адресаты разделяют общую эпистемическую перспективу. Стратегия сближения нейтрализует позицию власти говорящего и позиционирует его как члена той же группы, что и аудитория, укрепляя авторитет и доверие через демонстрацию общности знания.

Рассмотрим реализацию стратегии расширения сферы эпистемического субъекта в следующем примере из речи Б. Обамы о налоговой реформе, где президент обращается к вопросу повышения налогов для сокращения дефицита

бюджета: *I'm also well aware that there are many Republicans who don't believe we should raise taxes. But here is what every American knows* [Obama, 2011]. В приведенном высказывании отчетливо прослеживается переход от единичного эпистемического субъекта (*I'm well aware*) к неопределенно-множественному субъекту, маркированному квантором всеобщности *every*. Высказывание *I'm well aware* эксплицирует модус знания говорящего, демонстрируя эпистемическую компетентность и готовность к диалогу. Однако последующее расширение сферы субъекта через пропозицию *every American knows* трансформирует дискуссионный вопрос налоговой политики в область социокультурного знания, разделяемого всеми гражданами независимо от партийной принадлежности. Таким образом, политическая программа Обамы реализуется не через аргументацию или убеждение, а через апелляцию к коллективному модусу знания, который имплицитно включает и самого политика, и его оппонентов-республиканцев, и всю аудиторию. Расширение сферы эпистемического субъекта превращает спорное политическое предложение о повышении налогов в очевидную истину, обладающую авторитетом общенационального консенсуса.

В терминах дискурсивной реализации власти использование кванторов всеобщности в составе эпистемических конструкций представляет собой способ символического принуждения: говорящий не столько убеждает аудиторию, сколько конструирует реальность, в которой его позиция уже является общепринятой. Переход от *I know* → *we all know* → *every American knows* отражает движение от эпистемического авторитета к эпистемическому консенсусу, где власть говорящего проявляется в способности определять границы этого консенсуса и его содержание. Политик выступает не как источник нового знания, но как голос коллективного разума, что парадоксальным образом усиливает его властную позицию: оспорить его утверждение означает противопоставить себя всему сообществу. Данная стратегия особенно эффективна в публичных выступлениях, где аудитория из пассивного реципиента превращается в соучастника коммуникативного акта, разделяющего ответственность за утверждаемое знание.

Наряду с горизонтальным расширением сферы эпистемического субъекта через кванторы всеобщности, в политическом дискурсе используется вертикальная стратегия усиления эпистемического авторитета. Данная стратегия направлена на реконфигурацию эпистемической иерархии и реализуется через пересмотр предыдущих оценок, эскалацию степени уверенности или установление контроля над развитием дискурса [Heritage et al., 2005]. Проиллюстрируем эту стратегию на примере из речи Д. Трампа о будущем страны: *We now find ourselves at that very special fork in the road. Do we repeat the mistakes of the past or do we choose to believe that a great future, yet unwritten lies ahead for us and for our wonderful, beloved country? I think it does. I know it does* [Trump, 2016]. В данном фрагменте реализуется усиление эпистемического авторитета через смену эпистемических маркеров: *I think* → *I know*. Предикат мнения *think* вводит мнение-предположение, однако последующая самокоррекция через предикат *know* повышает степень истинностной оценки, поскольку глагол *know* в сочетании с пропозициями,

имеющими референцию к будущему, вербализует эпистемическое состояние уверенности.

Средством верификации истинностной оценки служат ментальные классификаторы (*the fact that, the fact is, the truth is*), представляя истинность не как утверждаемую, но как пресуппонируемую [Kiparsky et al., 1970]. Обращаясь к концепции факта, разработанной Н.Д. Арутюновой, следует подчеркнуть, что «истинность замещаемой именем факт пропозиции предполагает ее верифицируемость» [Арутюнова, 1999, с. 494]. Однако в политическом дискурсе ментальные классификаторы *the fact* и *the truth* номинализируют пропозицию, представляя её как установленный факт, который может быть референтом в дальнейшей аргументации. Рассмотрим реализацию дискурсивной стратегии фактуализации на конкретных примерах. Данная стратегия направлена на эпистемическую конверсию – преобразование утверждения, требующего верификации, в пресуппонируемый факт, не подлежащий сомнению. Стратегия фактуализации отчетливо прослеживается в риторике Д. Трампа. Так, в предвыборной речи 2016 года политик прибегает к классификатору *the fact*: ***The fact that Washington has tried so hard to stop our campaign is only more proof that our campaign represents the kind of change*** [Trump, 2016]. В другом выступлении, говоря об экономике страны, президент Д. Трамп задействует классификатор *the fact is*: ***The fact is, it's so big, what's taking place in America*** [Trump, 2025b]. Наконец, оценивая результаты своей работы, он обращается к классификатору *the truth is*: ***They actually said it would be very much harder to get this way, but it would be better. And the truth is, I think it worked out well, because there's something for everybody*** [Trump, 2025a]. Ментальные классификаторы *the fact* и *the truth* придают пропозициональному содержанию эпистемический статус достоверного знания о реальности. При этом наблюдается градация степени истинности: если классификатор *the fact* имеет референцию к свершившимся событиям (действия Вашингтона, масштаб экономических изменений), то классификатор *the truth* имеет референцию к истинностной оценке. Особенно показателен пример, в котором классификатор *the truth* сочетается с эпистемическим предикатом мнения *think*. Однако пресуппозиция, актуализируемая классификатором, доминирует над эксплицитным модусом мнения, в результате чего мнение-предположение становится фактом. Таким образом, граница между объективным и субъективным, между фактом и интерпретацией оказывается риторически стертой. Мнение-предположение (*I think*) выдается за объективную реальность, оказываясь обрамленным ментальным классификатором *the truth is*, что придает ему статус неопровержимой истины.

Аналогичную, но дополнительно усиленную дискурсивную стратегию фактуализации демонстрирует вице-президент Дж. Д. Вэнс: ***The very simple truth is that the last administration left us with a terrible economy*** [Vance, 2024]. В данном фрагменте ментальный классификатор *the truth* модифицируется интенсификатором *very*, который выполняет специфическую прагматическую функцию. Представление сложной экономической ситуации как «очень простой истины» имплицитно подразумевает самоочевидность утверждения и отсутствие необходимости

в экспертизе. Атрибут *simple* выводит пропозицию за пределы специального знания, делая её доступной «простому здравому смыслу» любого гражданина, не обладающего экономической компетенцией. Интенсификатор *very* дополнительно усиливает эту установку, блокируя возможность альтернативных интерпретаций и представляя оценочное суждение (*terrible economy*) как очевидный для всех факт. Эта стратегия наиболее эффективна прагматически, так как номинализация пропозиции в факт выводит её из зоны дискуссии и помещает в зону аксиоматических данностей. Используя наблюдение Н.Д. Арутюновой о том, что факты «не дескриптивны» и «призваны устранить все частные характеристики события и сохранить только его бытие» [Арутюнова, 1999, с. 493], можно констатировать, что они вводят пропозицию, которая имеет референцию к фактам или свершившимся событиям. Таким образом, политик конструирует мир, в котором его интерпретация событий имеет эпистемический статус истины.

Заключение (Conclusion)

Проведенный лингвопрагматический анализ позволил выявить систему стратегий экспликации эпистемического модуса знания в первичном политическом дискурсе, функционирующих как инструменты реализации дискурсивной власти. Во-первых, стратегия актуализации эпистемического авторитета реализуется (через) фактивными предикатами модуса знания (*know*) через разграничение пропозиционального знания (*I know that*) и опытного знания (*I know how*). Во-вторых, стратегия расширения сферы эпистемического субъекта реализуется посредством кванторов всеобщности (*all, every, everybody*) и инклюзивных форм (*we know, we all know*). В-третьих, стратегия усиления эпистемического авторитета реализуется посредством градации степени уверенности – от предикатов мнения (*I think*) к предикатам знания (*I know*) в рамках одного высказывания. В-четвертых, дискурсивная стратегия фактуализации реализуется через использование ментальных классификаторов (*the fact that, the fact is, the truth is*).

Таким образом, экспликация эпистемического модуса знания в первичном политическом дискурсе функционирует как многоуровневая система стратегий актуализации эпистемического авторитета и дискурсивной власти политического актора. Перспективы дальнейшего исследования включают сопоставительный анализ экспликации модуса знания в различных типах политического дискурса (первичный vs вторичный), а также сравнение дискурсивных стратегий в англоязычной и русскоязычной политической коммуникации.

Библиографический список

- Аристотель*. Метафизика / пер. А. В. Кубицкого. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 600 с.
- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с. EDN YLAWAR.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 416 с.
- Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53-87.

- Задворная Е. Г.* Коммуникативно-эпистемические параметры высказывания и дискурса: специальность 10.02.00 «Языкознание»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Е. Г. Задворная. Минск, 2001. 36 с. EDN XYCRCN.
- Ковш М. И.* Авторитетность в новостном медийном дискурсе: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ковш Максим Игоревич. Москва, 2024. 198 с. EDN VIZMDC.
- Разлогова Е. Э.* Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов. М.: Изд-во МГУ, 2004. 199 с. EDN QREWRX.
- Семенова Т. И.* Эпистемические параметры дискурса. Язык и система знаний // Когнитивная теория языка: сборник научных трудов по материалам VII Международной научной конференции, 25 – 26 апреля 2022 г. / отв. ред. М. В. Пименова. М.: Изд-во МГОУ, 2022. С. 240-245.
- Формановская Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Издательство «ИКАР», 2007. 478 с. EDN QDWTGF.
- Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 377 с.
- Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса: специальность 10.02.00 «Языкознание»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Шейгал Елена Иосифовна. Волгоград, 2000. 431 с. EDN NLROTZ.
- Chilton P.* Analysing Political Discourse: Theory and Practice. London: Routledge, 2004. 240 p.
- Fetzer A.* The Pragmatics of Political Discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2013. 246 p.
- Heritage J., Raymond G.* The Terms of Agreement: Indexing Epistemic Authority and Subordination in Talk-in-Interaction // Social Psychology Quarterly. 2005. Vol. 68. P. 15-38.
- Kiparsky P., Kiparsky C.* Fact // Progress in Linguistics / M. Bierwisch, K. E. Heidolph (eds.). The Hague: Mouton, 1970. P. 143-173.
- Kripke S.* Semantical considerations on modal logic // Acta Philosophica Fennica. 1963. Vol. 16. Pp. 83-94.
- Lewis C. I.* A Survey of Symbolic Logic. Berkeley: University of California Press, 1918. 406 p.
- Lyons J.* Linguistic semantics: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 376 p.
- Nuyts J.* Epistemic Modality, Language, and Conceptualization: A Cognitive-Pragmatic Perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2001. 428 p.
- Palmer F. R.* Mood and Modality. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 139 p.
- Tarski A.* The semantic conception of truth and the foundations of semantics // Philosophy and Phenomenological Research. 1944. Vol. 4, № 3. Pp. 341-376.
- Vandijk T. A.* Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. Vol. 17, № 3. P. 359-383. EDN JRKICX.
- Vandijk T. A.* Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press. 2014. 407 p. EDN ULLBXO.

Список источников примеров

- Biden J.* (2024). Interview with Ed Gordon of BET Television in Las Vegas, Nevada. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-ed-gordon-bet-television-las-vegas-nevada> (accessed 12.11.2025).
- Leavitt K.* (2025). Press Briefing by Press Secretary Karoline Leavitt. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/press-briefing-press-secretary-karoline-leavitt-1> (accessed 12.11.2025).
- Obama B.* (2011). Full text of Barack Obama's jobs speech // The Guardian. 2011. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2011/sep/09/barack-obama-usa> (accessed 12.11.2025).
- Trump D.* (2016). Third Presidential Debate Transcript. Available at: <https://transcripts.cnn.com/show/cnr/date/2016-10-22/segment/03> (accessed 12.11.2025).

Trump D. (2025a). Remarks on the President's Legislative Agenda and an Exchange with Reporters. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-presidents-legislative-agenda-and-exchange-with-reporters> (accessed 12.11.2025).

Trump D. (2025b). The President's News Conference at the Federal Reserve System Headquarters. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-the-federal-reserve-system-headquarters> (accessed 12.11.2025).

Vance J. D. (2024). Remarks by the Vice President in Bay City, Michigan. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-vice-president-bay-city-michigan> (accessed 12.11.2025).

References

Aristotle. (1999). *Metaphysics* / transl. by A. V. Kubitsky. Rostov-on-Don : Feniks, 1999. 600 p. (in Russian)

Arutyunova N. D. (1988). Types of Linguistic Meanings: Evaluation, Event, Fact. Moscow: Science, 1988. 341 p. (in Russian)

Arutyunova N. D. (1999). Language and the Human World. Moscow: Languages of Russian culture, 1999. 896 p. (in Russian)

Bally Ch. (1955). General Linguistics and Issues of the French Language. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1955. 416 p. (in Russian)

Chilton P. (2004). *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge, 2004. 240 p.

Fetzer A. (2013). *The Pragmatics of Political Discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 2013. 246 p.

Formanovskaya N. I. (2007). *Speech Interaction: Communication and Pragmatics*. Moscow: IKAR, 2007. 478 p. (in Russian)

Heritage J., Raymond G. (2005). The Terms of Agreement: Indexing Epistemic Authority and Subordination in Talk-in-Interaction. *Social Psychology Quarterly*. 68: 15-38.

Kiparsky P., Kiparsky C. (1970). Fact. *Progress in Linguistics*. The Hague: Mouton, 1970. P. 143-173.

Kovsh M. I. (2024). Authority in News Media Discourse: Dissertation for the Candidate of Philology Degree. Moscow, 2024. 198 p. (in Russian)

Kripke S. (1963). Semantical considerations on modal logic. *Acta Philosophica Fennica*. 16: 83-94.

Lewis C. I. (1918). *A Survey of Symbolic Logic*. Berkeley: University of California Press, 1918. 406 p.

Lyons J. *Linguistic semantics: An introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 376 p.

Nuyts J. (2001). Epistemic Modality, Language, and Conceptualization: A Cognitive-Pragmatic Perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2001. 428 p.

Palmer F. R. (2001). *Mood and Modality*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 139 p.

Razlogova E. E. (2004). Logical-cognitive and stylistic aspects of the semantics of modal words. Moscow: Moscow State University Press, 2004. 199 p. (in Russian)

Semenova T. I. (2022). Epistemic Parameters of Discourse. Language and the System of Knowledge. *Cognitive Theory of Language: collected scientific papers from the VII International Scientific Conference*. Moscow: Izd-vo MGOU, 2022. P. 240-245. (in Russian)

Sheigal E. I. (2000). Semiotics of Political Discourse: Specialty 10.02.00 "Linguistics": Dissertation for the Degree of Doctor of Philology. Volgograd, 2000. 431 p. (in Russian)

Shvedova N. Yu. (1960). *Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 377 p. (in Russian)

Tarski A. (1944). The semantic conception of truth and the foundations of semantics. *Philosophy and Phenomenological Research*. 4(3): 341-376.

Vandijk T. A. (2006). Discourse and manipulation. *Discourse and Society*. 17(3): 359-383.

Vandijk T. A. (2014). *Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 407 p. EDN ULLBXO.

Vinogradov V. V. (1975). On the Category of Modality and Modal Words in the Russian Language. *Selected Works: Studies in Russian Grammar*. 53-87. (in Russian)

Zadvornaya E. G. (2001). Communicative-epistemic parameters of utterance and discourse. Speciality 10.02.00 "Linguistics": Abstract of a Dissertation for the Degree of Doctor of Philology. Minsk., 2001. 36 p. (in Russian)

Поступила в редакцию	21.01.2026	Received	21.01.2026
Принята в печать	01.02.2026	Accepted for publication	01.02.2026
Опубликована	07.03.2026	Published	07.03.2026